

ХАЙДРОК

НАЛОГ КРОВЬЮ

47

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виталий Кочубей

Хайдрок. Налог Кровью # 47

<https://litres.ru/74351113>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хайдрок. Налог кровью 47

Триста лет прошло после катастрофы, едва не уничтожившей человечество. Люди снова строят города, торгуют, растят детей и стараются не вспоминать о том, что осталось за границами обжитых земель.

Но раз в год о прошлом напоминают.

Орден собирает Налог кровью.

Для Аронда этот день должен был стать всего лишь ещё одним неприятным утром. Несколько часов — и можно возвращаться к обычной жизни.

Но из урны он вытаскивает чёрный жребий.

А вместо имени получает номер.

47.

Содержание

Глава 1 # 47	4
Глава 2 «По ту сторону жребия»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виталий Кочубей

Хайдрок. Налог

Кровью # 47

Глава 1 # 47

ГЛАВА 1

Солнечное пятнышко сползло со сруба, задело край сундука и упёрлось Аронду в веки.

Он не стал закрываться локтём. Лежал, слушая, как снаружи, на побеленных у корней дубах, гомонят воробьи и перекликаются мелкие пичужки, а с левой стороны, где за домами широко и быстро катятся воды Рекота, доносится ровный, едва слышный гул речной стремнины. Но первым, что окончательно прогнало остатки сна, был запах. Из соседней пекарни Андо несло густым, душистым жаром — пекли свежий ржаной хлеб на закваске, с хрустящей тёмной коркой.

Аронд потянулся, слушая, как суховато похрустывают позвонки. Матрас под ним был упругим, полным свежей соломенной набивки — дядя Клео купил его у деревенских всего неделю назад взамен старого, слежавшегося в блин.

Он сел на краю кровати, опустил босые ноги на сухие, выскобленные дочиста половицы и нащупал на столе прохлад-

ный кругляш.

Серебряная монета из земель Зумфозеанов. Тяжёлая, с чуть стёршимся зазубренным краем. На одной стороне проступал тупой лоб рыбы с короткими плавниками, на другой — плоский щит с широким умбоном. Отец привёз её из дальнего похода за два года до того, как свалился с лихорадкой на тракте.

«Держи, Аронд. Серебро честное, зумфозеанское. Сбережёшь — оно тебя сбережёт».

Аронд привычным, тысячу раз повторённым движением большого пальца отправил монету вверх. Она крутанулась в воздухе, коротко звякнула, упала в ладонь, и он, не разжимая кулака и даже не глянув, что там — рыба или щит, опустил её на дно кармана шерстяной туники.

— Аронд! Ну сколько тебя ждать? Всё остынет, — донёсся снизу голосистый, чуть дребезжащий голос тёти Миры.

В углу стояла дубовая бадья с натасканной с вечера водой. Аронд подошёл, нагнулся и зачерпнул воду руками. Холод обжёг лицо, ударил в виски, окончательно выбивая лень. Он с удовольствием отдулся, вытерся грубым льняным полотенцем, от которого пахло сушёным чабрецом, и стал одеваться.

Сегодня он вытащил из сундука не рабочую рубаху, а свежую льняную, сурового некрашеного цвета, а поверх накинул тёмно-синюю шерстяную тунику длиной до середины бедра. Натянул плотные штаны, затянул на талии кожаный пояс с простой железной пряжкой и коротким бытовым но-

жом в кожаных ножнах, а затем присел, завязывая ремешки на чистых ботинках из плотной юфти.

В конце концов, сегодня жеребьёвка. На площади собраться должен весь город, да и вечером в таверне Якоба на-верняка появится Велис.

Снизу, из кухни, густо несло жареным салом, луком и запечёнными в печи яйцами.

За тяжёлым дубовым столом, упершись локтями в выскобленную столешницу, сидел дядя Клео. В одной руке он держал ломоть серого хлеба, в другой — деревянную ложку, которой поддевал со сковороды яичницу с кусками свинины и помидорами.

— Выспался, соня? — Клео кивнул на скамью напротив, не прерывая жевания. — Умылся? Ну садись, загребай, пока Мира всё не унесла.

— Спалось сладко, дядя. За матрас — отдельный поклон, спина как не моя.

— Спалось ему... — Клео хмыкнул в пышные, чуть пожелтевшие от дыма усы. — Работать сегодня надо. Я утренней ранью у Марцина двух поросят забрал. Загоны почистил, накормил. Как отгремит ваша процедура на площади — бегом в лавку. Надо мясо людям развесить, да, если успеем до захода, разделаем тушу.

— Если успею, дядя... — Аронд подцепил кусок поджаристого сала с хрустящей корочкой. — На площади народу будет не пропихнуться. Пока всех выкликнут, пока списки

сверят...

— Успеешь, — строго проворчал мясник, но глаза его оставались добрыми. — Кабы опять с Алеком по переулкам не застряли. Разговоры разговаривать да на девок заглядываться.

Мира поставила перед Арондом большую глиняную кружку, от которой валил пар — травяной отвар с мёдом, — и нервно поправила краешек фартука. Пальцы её, привыкшие к тяжёлой работе — мытьё посуды, стряпне и стирке, — перебирали льняную ткань.

— Клео... — тихим, прерывающимся шёпотом проговорила она, опустившись на край скамьи. — А может... пусть в погребе отсидится? Ну посидит в темнице пару дней, а потом скажем, что заболел, что не мог выйти... Откупимся, а? Все сбережения выгребем! К управителю пойдём!

— Перестань, Мира, — отрезал Клео, но голос его просел, став глухим и старым. — У нас управитель не дурак, а стража не слепая. За уклонение одна дорога — рудники в Руте на каторгу, а парня всё равно забрали бы, да только в штрафной обоз. Налог кровью — он для всех одинаковый. Все проходят.

— Да не кручинься ты, тётушка, — Аронд отложил ложку, взял Миру за прохладную, пахнущую сушёным укропом и свежим мылом руку и легко сжал её пальцы. — Посмотри в окно: утро какое. На площади будет сотни две народа со всего округа. Чёрных бумажек совсем мало. Я уже четыре

года вытаскивал белые. И сегодня вытащу.

Он допил отвар, вытер губы рукавом, поднялся из-за стола и, схватив с тарелки сухое печенье с кунжутом, звонко поцеловал тётку в тёплую, горячую от печи щёку:

— Спасибо за завтрак, тётушка! Дядя, я к десяти буду в лавке, как часы!

У крыльца, прислонившись спиной к побеленному бревну стены, стоял Алек.

Сын кузнеца Синоса в свои двадцать три года вымахал с хорошего быка: плечи — не пролезешь в дверной проём, руки толщиной с хорошую лесину, а лицо простое, широкое, со слегка приплюснутым носом и добрыми серыми глазами. Они знали с шести лет, когда вместе лазали через жердевой забор в сад деда Веспина за недозрелой кислицей. Когда дед выскочил с крапивным жгутом, Алек застрял между жердями, и, если бы Аронд не сообразил выбить камнем засов на калитке и не закричал, что на огороде горит сарай, дед переломал бы кузнецкому сыну все рёбра.

— Долго телишься, — буркнул Алек, дожёвывая твёрдое сухое яблоко. — Я уж думал, ты под кровать забился и засов изнутри заложил.

— Тётя Мира оладьями пытать пыталась, — отмахнулся Аронд, шагая на улицу. — А ты чего вырядился? Рубаха чистая, от сапог дёгтем за версту несёт... Неужто думаешь, что стражники на площади за красоту тебя домой отпустят?

— Пошёл ты, — ухмыльнулся Алек, но тут же поравнялся

с ним и понизил голос: — В таверну-то вечером идём? Якоб вчера бочку тёмного из Рута распечатал. Говорят, густое, как дёготь, и ячменём пахнет. Да и... Велис там опять с подносом бегать будет?

Аронд чуть сбавил шаг, почувствовав, как кончики ушей предательски наливаются теплом, и с размаху ткнул кулаком Алека в массивное плечо:

— Тебе-то какое дело, кузнечная морда?

— Ауч! Ну и дикий, — преувеличенно охнул Алек, хватаясь за плечо. — Заладили как олени на водопое, взглядами перекидываетесь... Ладно-ладно, молчу! Пошли быстрее, а то стражники на перекрёстке опять орать начнут, что мы нога за ногу плетёмся.

Улица ремесленников жила своей обыденной утренней жизнью.

Широкая, с утоптанной до плотности камня серой глиной, она не знала заборов перед фасадами — дворы стояли открытыми. Ветви огромных дубов бросали на землю резные тени. Возле дома гончара двое мальчишек гоняли деревянным обручем проплешистого пса; у пивоварни дюжий мужик с голым торсом катил в подвал пустую дубовую бочку, гулко бухавшую по деревянным настилам.

Возле пекарни Андо пахло особенно сладко. На рабочей площадке перед закрытыми ставнями торгового окна стояла большая деревянная бадья, из которой валил пар.

Велис, дочь пекаря, наклонившись над бадьёй, мыла круг-

люю тестомойку. Ей было пятнадцать, и она, тонкая и гибкая, склонилась над деревянными стенками, засучив рукава серого платья до самых локтей. На щеке её задорно белело пятно муки, а из-под льняной косынки выбился золотистый локон.

Услышав шаги, она выпрямилась, вытирая мокрые, розовые от горячей воды руки о фартук. Увидела Аронда — и лицо её мгновенно вспыхнуло живым румянцем.

— Аронд! — окликнула она и сделала два шага к краю площадки, сжимая в кулачке мокрый край фартука. — Вы... вы уже на площадь?

— На площадь, Велис, — Аронд притормозил, неловко поправляя пояс. — Народу сегодня много. Думаю, к полудню всё закончится.

Велис посмотрела на него без привычного девичьего лукавства, и в её серых глазах проскользнула затаённая тревога. Она чуть прикусила нижнюю губу.

— Ты... возвращайся скорее, — тихо сказала она, и пальцы её сильнее сжали ткань. — Отец сегодня вечером бочку яблочного взвара ставить будет. В таверне у Якоба свежий хлеб просили... Я сама поднос понесу. Будешь там?

— Буду, — выдохнул Аронд, и ему вдруг стало удивительно легко. — Обязательно буду.

Велис улыбнулась — быстро, светло — и мазнула мучной ладоншкой по воздуху, посылая ему тайный привет, а затем спешно вернулась к своей бадье.

— Ну точно, олени, — пробасил Алек, рванув вперёд и хохоча на всю улицу. — Догоняй, влюблённый!

— Я тебе сейчас дам оленей! — Аронд засмеялся, подхватил полу туники и бросился за другом, с удовольствием слушая, как гулко стучат их ботинки по сухой земле, и на время выбросив из головы мысли о площади.

Лёгкость обвалилась через сотню шагов.

На повороте у переулка Ткачей им преградила путь чужая, злая суета. Из дверей добротного дома вывалился плотный мужчина в засаленном кожаном кафтане. Он волок за шиворот парня лет семнадцати — щуплого, рыжеватого, с длинной тонкой шеей. Парень отчаянно упирался босыми пятками в сухую пыль, плакал и захлёбывался соплями:

— Дядька, не надо! Пожалуйста! Я боюсь! В Пограничье жнецы! Они кишки выпускают! Дядька!

— Заткнись, мразь! — мужчина с силой крутанул парня и всадил ему тяжёлый сапог под зад, так что тот больно грохнулся коленями в пыль. — Ты из рода Марков! Отец твой на реке сгинул, брат ушёл, а ты за бабью юбку прятаться будешь? Пошёл, скурвин сын! Чтоб я тебя до полудня у дома не видел! Убьют — значит, доля такая!

Мужчина сплюнул в пыль и с грохотом захлопнул дубовую дверь. Парень поднялся, вытирая грязным рукавом юшку из носа, и, всхлипывая, поплёлся в сторону рыночной площади.

Аронд и Алек замедлили шаг.

— Который это у тебя? — тихо, не поворачивая головы, спросил Алек.

— Пятый, — ответил Аронд. В кармане его пальцы сами собой нашли твёрдый ребристый ободок серебряной монеты. Холод серебра на миг отрезвил заскакавшие мысли. — Через два дня двадцать один будет. Ещё четыре года после этого в списках ходить. А у тебя?

— Больше твоего, — буркнул Алек. — Местные стражники вчера у кузницы болтали, что у Ордена в этом году с набором строго. Из нашего уезда десятка полтора заберут.

— Из двухсот человек? — Аронд мгновенно уцепился за привычную математику, восстанавливая внутренний покой. — Это меньше десяти процентов. Девять из десяти остаются дома, Алек. К обеду вернёмся. Ты — к наковальне, я — к Клео с поросятами.

— Угу. Девять из десяти, — повторил Алек, но Аронд видел, как на его широкой челюсти перекатываются желваки.

Чем ближе они подходили к центру, тем гуще становился людской поток. Из всех главных улиц в русло рыночной площади выливались молодые парни и девушки в возрасте от шестнадцати до двадцати пяти. Одни шли молча, уставившись себе под ноги; другие, наоборот, гоготали чересчур громко, перекликались через головы, силясь показать, что им всё равно.

Чуть впереди, печатая шаг и картинно поигрывая висящим на поясе мечом в дешёвых латунных ножнах, шёл Ри-

торд — сын зажиточного лавочника с нижней пристани. На нём был щегольской замшевый кафтан с витыми пуговицами. Но лицо его было неестественно белым, а пальцы, сжимавшие рукоять меча, побелели в костяшках. Он громко вещал двум притиснувшимся к нему прихвостням, сиюсья перекрыть собственный страх:

— Да пусть только попробуют выкликнуть мою фамилию! Посмотрим, как они запоют! Я в Пограничье не кашу жрать пойду! Мастер Витт говорил, что у меня лучший выпад в уезде! Я там этим стригорнам все брюхи повыпускаю!

Аронд посмотрел на его спину. Под дорогой замшей чётко проступали судорожно приподнятые плечи, а лопатки нервно подрагивали при каждом шаге.

— Он каждый год так орёт? — тихо спросил Аронд.

— Каждый, — хмыкнул Алек. — Ему в осенний солнцеворот двадцать пять стукнет. Последний жереб в жизни. Бойтсся так, что жила на шее толщиной с мизинец вздулась.

Рыночная площадь Рыбницы, обычно сжатая рядами крытых лавок, лотков с речной рыбой, корзинами с капустой и штабелями бочек, сегодня казалась дикой и неузнаваемо огромной. Все временные торговые палатки были убраны до единой, обнажив ровное булыжное поле.

По периметру, закрывая выходы на улицы, стояла местная стража — два десятка дюжих мужиков в потемневших от пота кожаных куртках с кольчужными вставками на плечах и простых железных шлемах. В руках они держали длин-

ные ясеневые копыя. Стражники работали механически, цепко проверяя по спискам каждого входящего и отжимая прочь зевак и родственников.

В центре площади сбилась в плотную массу толпа участников — около ста двадцати человек.

Толпа жила лихорадочной, рваной жизнью. В двух шагах от Аронда высокая девчонка с длинной русой косой судорожно, до белизны ногтей сжимала пальцы своей матери, оставшейся за линией копий; мать молча глотала слёзы, вытирая лицо концом головного платка. Чуть дальше парень в засаленной жилетке сапожника непрерывно, вполголоса бубнил какую-то бытовую молитву, путая слова. Какой-то коротышка у самого помоста нервно, истерично хихикал над собственной глупой шуткой, но никто из стоящих рядом даже не повернул головы на его смех.

Аронд и Алек протолкались к самому краю толпы, упершись грудью в копьё старого стражника.

Посреди площади возвышался деревянный помост — шесть на четыре метра, срубленный из свежих сосновых брусьев, от которых на солнце густо несло смолой. На нём стояли представители Ордена.

Четверо бойцов охраны застыли по углам помоста. На них были длинные кольчуги поверх плотных стёганных поддоспешников, железные шлемы с наносниками и тяжёлые красно-чёрные плащи. Снаряжение было добротным, одинаковым и тщательно ухоженным. На фоне местной стражи

они выделялись сразу — не блеском поздних рыцарских лат, а качеством железа, оружия и военной выправкой.

В центре стоял Эмиссар Ордена в красной мантии с белым и золотой вышивкой. Лицо его — сухое, пергаментное — выражало смертельную усталость.

Рядом с ним, возле высокой деревянной урны, обтянутой чёрным холстом, стоял помощник в сине-серебряной одежде.

— Начнём, — тихо сказал Эмиссар.

Голос его был негромким, но площадь постепенно стихла.

Помощник выпрямился и выкликнул:

— Бернард, сын Вульфа!

Парень вытянул бумажку.

— Белая, — коротко бросил помощник.

— Густав, сын шорника!

Белая.

— Марта, дочь гончара!

Белая.

— Риторд, сын Гаспара! — раздался громкий голос.

Толпа качнулась. Риторд выпрямил спину и с деревянной вальяжностью пошёл к помосту. Поднялся, опустил руку в урну и вытащил бумажку.

Помощник развернул её и ровно произнёс:

— Чёрная.

Хвостовство Риторда вылетело из него в единый миг.

Лицо потеряло всякий цвет, став серым, как зола в забро-

шенном очаге. Челюсть отвисла, взгляд остекленел. Он не стал орать и брыкаться — просто обмяк внутри своего замшевого кафтана.

Местный стражник поднялся на помост, сгреб его под руку и потащил вниз. Риторд переставлял ноги послушно, почти не понимая, куда его ведут, уставившись в одну точку перед собой.

— Алек, сын Синоса! — крикнул помощник.

Алек вздрогнул всем своим огромным телом. Посмотрел на Аронда круглыми глазами.

— Иди, — Аронд с силой толкнул его в бок. — Твой черёд.

Алек поднялся. Его ладонь нырнула в урну.

— Белая!

Алек выдохнул так шумно, что на него оглянулся даже один из бойцов Ордена. На широком лице кузнецова сына расплылась глупая, совершенно детская улыбка. Он махнул Аронду белой бумажкой и шагнул вниз, за линию копий.

Аронд почувствовал, как в груди поднялась горячая радость за друга.

А через секунду она опала, оставив после себя странную пустоту.

Алек был там.

А Аронд остался здесь.

Помощник выкликал имя за именем.

— Белая...

Следующее имя.

— Белая.

Ещё одно.

— Белая.

Сухой шорох бумаги в урне. Короткое слово помощника.

Выдох толпы. Снова имя.

Девчонка из нижней деревни вытянула чёрную — и тихо, беззвучно осела на доски. Её подхватили местные стражники и унесли.

А потом снова пошли белые.

Одна.

Вторая.

Третья.

Четвёртая.

Пятая.

Шестая.

«Шесть подряд».

Аронд вытер взмокшую ладонь о тунику.

Это ничего не значило. Он знал это. Белые до него никак не могли решить, какую бумажку вытащит он сам.

Но знание почему-то не помогало.

Пальцы снова нашли в кармане серебряную монету отца.

«Чёрных мало. Народу ещё полно. Шанс маленький».

— Аронд, сын Лоурента!

Имя ударило по ушам.

Аронд замер.

Толпа вокруг расступилась.

Он сделал вдох, выпрямил спину и пошёл.

Шагал ровно, силясь сохранить внутренний покой. Пальцы в кармане так и не выпустили монету.

«Шанс мал. Всё будет хорошо».

Он поднялся по ступеням.

Перед урной стоял Эмиссар.

Вблизи от него пахло дорогой тканью, кожей и слабым, въевшимся в одежду дымом. Аронд поднял взгляд.

Усталые глаза Эмиссара скользнули по нему без малейшего интереса.

А потом взгляд Аронда сполз вниз и зацепился за его ботинки.

Они были безупречными.

Сшитые из мягкой кожи северного красного оленя, красновато-коричневого оттенка, с идеально ровной строчкой мелким стежком. На них не было ни единой пылинки.

Аронд смотрел на эти ботинки и почему-то думал о совершенно ненужной сейчас вещи:

«Интересно, кто их ему чистит?»

— Тяни, парень, — сухо напомнил помощник.

Аронд медленно вынул руку из кармана, оставляя монету на самом дне.

Опустил кисть в темноту урны.

Пальцы коснулись бумажных полосок, чуть влажных от множества чужих рук.

Он не стал перебирать.
Нащупал крайнюю слева.
Сжал.

Вытащил.

Развернул.

Бумага была чёрной.

Аронд смотрел на неё.

Секунду.

Ещё одну.

Он знал, что это значит.

Но мысль почему-то не складывалась.

Чёрная.

Просто чёрный кусок бумаги между его пальцами.

Шум площади куда-то отдалился. Люди продолжали двигаться, кто-то кашлянул, помощник рядом перелистнул свиток, на улице за площадью крикнул торговец — всё это происходило, но будто слишком далеко.

Хлеб Андо.

Мокрые руки Велис.

Завтрак Миры.

Два поросёнка Клео.

Алек.

Таверна вечером.

Всё это ещё было утром.

Несколько часов назад.

— Чёрная, — зафиксировал помощник.

Аронд не ответил.

Дюжий местный стражник с рябым лицом жёстко цапнул его за предплечье.

Ткань туники натянулась под пальцами.

Стражник дёрнул его в сторону, освобождая место перед урной.

Второй набросил Аронду на шею суровую пеньковую верёвку.

На ней висела тяжёлая прямоугольная деревянная плашка.

Номер:

47.

Ниже был выжжен знак Ордена:

Солнце. Меч. Книга.

Деревяшка с глухим стуком ударила Аронда по ключице.

Стражник крутанул его за плечо и коротко, без злости, толкнул между лопаток:

— Пошёл. Не задерживай.

Аронд качнулся вперёд.

И сделал первый шаг к загороди для отмеченных, споткнувшись на ровном булыжнике.

Глава 2 «По ту сторону жребия»

Нога в кожаном ботинке вступила в липкое месиво.

У пристани Рыбницы грязь смешалась со старой рыбной чешуёй, отходами и мокрой соломой. От воды тянуло сыростью, из переулков — гнилью и дымом.

Деревянная плашка билась о грудь Аронда при каждом шаге. На ней грубо выжжены «47» и знак Ордена — Солнце, Меч и Книга.

Сзади оставалась рыночная площадь Рыбницы, где жереб всё ещё продолжался. Голос с помоста выкрикивал следующее имя. За ним прокатился шум толпы — приглушённый расстоянием, но всё ещё отчётливый.

Где-то там остался Алек с белой бумажкой. Осталась Велис. Осталась мясная лавка дяди Клео, два купленных поросёнка и ненарезанная туша.

Рядом с Арондом шли двое, вытянувших чёрный жребий раньше него: Риторд и девушка из нижней деревни. Их сопровождали четверо городских стражников и воин-послушник Ордена.

Они шли по улице Ремесленников.

Аронд увидел знакомый дом Клео. Ещё утром он вышел отсюда и направился на площадь, думая, что вечером вернётся обратно.

Из пекарни Андо по-прежнему пахло свежим ржаным

хлебом.

— Не задерживай! — бросил один из стражников.

Улица Ремесленников вывела к Переулку Ткачей, а оттуда дорога пошла вниз, к реке.

Шум площади постепенно остался позади, уступая Реко-ту: плеску воды у свай, голосам с пристани, скрипу дерева и канатов.

Между домами показалось судно.

Сперва над застройкой выросли высокие тёмные борта, а по мере приближения открылись палуба и мачты. Чем ближе они подходили к пристани, тем массивнее казался корабль. Потемневшее от воды и смолы дерево было исцарапано и местами побито о причалы. На палубе двигались матросы, кто-то возился с канатами, откуда-то сверху доносился стук де-рева.

На причале пахло мокрой пенькой, речным илом и ды-мом.

У сходней их встретил наёмный конвоир. Перед ним стояла небольшая ёмкость с густой чёрной краской на основе дёгтя и лежала короткая жёсткая кисть.

Первым он принял Риторда. Снял с его шеи деревянную плашку, бросил её в ящик, макнул кисть в чёрную жижу и быстро вывел номер на одежде.

Следующей подошла девушка. Наёмник так же стянул с неё плашку, бросил к остальным и несколькими движениями кисти вывел номер на груди.

Когда очередь дошла до Аронда, наёмник подцепил пальцем верёвку и стянул плашку через голову. Она с деревянным стуком упала к остальным.

— Стой.

Кисть окунулась в густую чёрную смесь.

Наёмник несколькими быстрыми движениями вывел на груди Аронда две цифры. Краска сразу начала впитываться в ткань.

47.

От свежей метки пахло дёгтем и дымом.

Наёмник окинул цифры взглядом.

— Номер запомни. С этого момента имя можешь забыть.

Здесь ты сорок седьмой. Позовут — отзывайся.

Он уже отвернулся к следующему.

— Дальше.

Аронд поднялся по узким сходням. Под настилом глухо билась о корпус речная вода. На палубе их встретили ещё двое наёмников в потемневших кожаных куртках. Один указал на открытый люк.

Оттуда тянуло тяжёлым запахом пота, сырой одежды и давно немых тел.

Спуск по крутому трапу вёл в полутень жилого отсека. После солнечного дня темнота ударила по глазам.

Здесь было тесно. Пространство между массивными дубовыми шпангоутами и балками настила было забито людьми. На полу, на собственных плащах и прямо на голых досках

сидели и лежали десятки человек. Чтобы пройти, приходилось переступать через вытянутые ноги, сбитые ботинки и локти.

Над головой были деревянные решётки, через которые пробивались узкие полосы дневного света и тянул речной сквозняк.

Аронд медленно двинулся вдоль борта. После яркого солнца глаза ещё привыкали к полумраку. Запах чувствовался сильнее: пот, сырость, немытые тела. Через несколько вдохов вонь уже не была так резко, но никуда не делась.

Полноценных коек здесь не было. Лишь ровный настил, разделённый шпангоутами на секции. В третьей секции от носа Аронд заметил немного свободного места у деревянного набора корпуса.

— Здесь свободно?

Сидевший у борта мужчина с короткой тёмной щетиной и вьёвшейся под ногти грязью поднял голову. На нём была простая, некогда качественная куртка стражника с оборванными эмблемами.

— Да. Присаживайся.

Аронд опустился на доски, прижавшись спиной к просмоленному шпангоуту. Рука машинально скользнула к карману. Серебряная монета отца была на месте. Рыба и щит. Это знакомое ощущение под пальцами немного успокаивало.

Некоторое время они сидели молча.

— Аронд, — наконец представился он.

Мужчина повернул к нему голову.

— Эндрик. Двадцать четвёртый.

Аронд внимательнее посмотрел на него. Помятая одежда, отросшая щетина, усталое лицо — явно не первый день здесь.

— Давно тебя забрали?

— Три недели уже.

— Откуда?

— Из Речного.

Эндрик чуть удобнее устроился у борта.

— До меня здесь уже народ был. С тех пор по дороге ещё набирают. Где больше, где меньше.

— Соберут под сотню и пойдём дальше, — добавил он.

— Нам ещё Кротов пройти. Там сегодня тоже жереб.

Аронд покосился на него.

— Откуда знаешь?

— Уши есть, — Эндрик пожал плечами. — Слышал, как те мордовороты наверху трепались.

— Тогда, может, знаешь и куда нас везут?

— Нет. Этого не слышал. — Эндрик помолчал. — В Пограничье — это точно. А куда именно там... хрен его знает.

Взгляд Аронда зацепился за человека, лежавшего чуть дальше у борта. Грязная рубаха висела на нём мешком, щеки провалились, под глазами залегли тёмные круги. Он не спал — просто лежал с полуприкрытыми глазами, почти не двигаясь.

— А с ним что?

Эндрик проследил за его взглядом.

— С сотым?

— Если он сотый.

— Сотый. Дольше всех здесь, кого я знаю. Больше месяца уже.

Аронд снова посмотрел на мужчину.

— За месяц так?

— Не со всеми, — покачал головой Эндрик. — Я три недели здесь. Сам видишь, ещё не сдох. Есть и те, кто дольше меня держится нормально. А сотый плох уже давно. Почти не ест, воду через раз пьёт. Последние дни встаёт только когда заставят.

— Больной?

Эндрик пожал плечами.

— Может. Может, просто сдал. Здесь лекаря к каждому не водят.

Аронд ещё немного посмотрел на сотого.

— И сколько нам так плыть?

Эндрик задумался.

— До Пограничья? Больше месяца, думаю.

— Думаешь?

— Я здесь три недели, а мы всё ещё людей собираем. Погранижье не рядом.

Аронд оглядел тесный отсек.

— Больше месяца в этой дыре...

— Привыкнешь.

— Здесь дышать нечем.

Эндрик хмыкнул и покосился на свежие чёрные цифры на груди Аронда.

— Тепло и удобства дома остались, сорок седьмой.

Аронд опустил взгляд на размазанное по ткани **47**.

— Я не сорок седьмой. Я Аронд.

Эндрик несколько секунд смотрел на него, затем кивнул.

— Хорошо. Аронд.

Разговор сам собой затих.

В трюме остались только чужие голоса, кашель, скрип досок над головой и глухие удары воды о борт.

Тишину привычного гула нарушил топот наверху. Люк открылся, и вниз один за другим начали спускаться новые люди.

Аронд узнал их сразу — Рыбница.

Значит, жереб закончился.

Он машинально пересчитал вошедших. Вместе с ним, Ритордом и девушкой из нижней деревни их теперь было шестеро.

Последним спустился наёмник. Оглядел трюм, дождался, пока новенькие разойдутся кто куда, и захлопнул решётку.

Затишье продлилось недолго.

По палубе загрохотали шаги. Засов лязгнул, решётка откинулась.

Сверху показался наёмник.

— Жрать дают! Сидеть на местах, всем достанется!

По трапу начали спускаться люди с едой. Двое несли тяжёлый чугунный чан, от которого валил густой пар. Следом спускали деревянные миски и ложки.

Запах варёного свиного сала и разваренного проса быстро перебил даже трюмную вонь.

Миски пошли по цепочке, из рук в руки. Кто сидел ближе к проходу, передавал их соседям, стараясь не расплескать горячую кашу.

Эндрик принял две миски и одну протянул Аронду.

— Держи.

Аронд взял её обеими руками. Дерево было горячим. Внутри лежала густая сероватая каша; на поверхности блестяли капли свиного жира.

Где-то ближе к трапу молодой голос спросил:

— А добавку дают?

Кто-то рядом коротко засмеялся.

— Ты сначала эту съешь.

— Съем.

Аронд повернул голову. Спрашивал парень, которого среди только что прибывших из Рыбницы не было.

Эндрик заметил его взгляд.

— Вчера вечером его привезли. После кормёжки. Так что это у него первая.

Парень тем временем уже попробовал кашу, быстро проглотил и снова поднял голову.

— Так дают или нет?

— Дают, — отозвался кто-то из старых.

Парень оживился.

— Правда?

Эндрик зачерпнул кашу и спокойно добавил:

— Завтра.

По трюму прошёл негромкий смешок.

Парень посмотрел в миску.

— Смешно, сука.

— Через неделю ещё смешнее будет, — бросил кто-то из темноты.

Аронд попробовал свою порцию. Каша оказалась почти без соли, густая, жирная и обжигаяще горячая. После утра без еды даже такой вкус показался терпимым. Он ел быстро, время от времени дуя на ложку.

У стены стояла бадья с водой. Прикованный к ней цепью черпак переходил из рук в руки и каждый раз звякал о край.

Когда последние миски собрали и унесли наверх, прошло совсем немного времени.

Снова лязгнул засов.

Над трюмом появился наёмник с листом в руке.

— На вёсла! Третий! Восемьдесят восьмой! Сорок седьмой! Двадцать четвёртый!..

По трюму пошло движение. Кто-то начал подниматься, протискиваясь между сидящими, кто-то ругнулся, когда ему наступили на ногу.

Наёмник продолжал выкрикивать номера:

— ...пятьдесят второй! Одиннадцатый! Семьдесят шестой!..

Аронд поднял голову на Эндрика.

Тот уже вставал.

— Двадцать четвёртый — это я. Сорок седьмой — ты. Значит, нам.

Аронд поднялся следом.

— Куда?

— Ты же слышал! На вёсла.

Аронд на секунду замер.

— Я в жизни не грёб.

— И не ты один. Держись рядом. Покажу, что делать.

Они двинулись к трапу. Сверху всё ещё доносился голос наёмника, продолжавшего выкрикивать номера, но Аронд уже не вслушивался.

На открытой рабочей палубе солнечный свет резанул по привыкшим к полумраку глазам. После трюмной духоты речной ветер казался почти холодным.

Вдоль обоих бортов стояли массивные дубовые вёсла. Люди из вызванной смены расходились по местам: те, кто уже делал это раньше, двигались без подсказок; новенькие оглядывались и мешкали.

Аронд держался за Эндриком.

— Сюда, — тот указал на свободное место у весла. — Вставай рядом.

Аронд взялся за толстую деревянную рукоять. Поверхность была отполирована десятками чужих ладоней, но местами дерево оставалось шершавым, с мелкими занозами.

Наёмник прошёл вдоль ряда, проверяя людей.

— По двое на весло! Кто ритм собьёт — соседу руки переломает. Смотрите на старых и повторяйте!

Эндрик встал первым, ближе к борту, Аронда поставил за собой.

— Ноги сюда. Упрись.

Аронд поставил ступни в деревянную планку.

— Руками не рви, — продолжил Эндрик. — На себя пойдёт — тяни спиной. Потом корпус вперёд. Смотри за мной и не торопись.

С кормы раздалась команда:

— Вёсла!

По палубе прошёл скрип дерева. Шестнадцать тяжёлых лопастей одновременно опустились к воде.

— Пошли!

Аронд повторил движение за Эндриком. Весло неожиданно сопротивлялось всем своим весом, а когда лопасть вошла в воду, рукоять будто попыталась вырваться из ладоней.

Первые несколько гребков вышли рваными. Аронд то запаздывал за Эндриком, то слишком рано подавался вперёд. Один раз рукоять резко толкнула его в грудь.

— Не спеши, — бросил Эндрик. — За мной. Раз... два... Раз... два...

Постепенно движение начало складываться. Наклон вперёд, лопасть входит в воду, упор ногами, корпус назад. Снова вперёд.

Судно отошло от причала.

Только теперь Аронд заметил, что на берегу всё ещё стояли люди. Кто-то из провожающих пытался разглядеть своих среди бортов корабля, кто-то уже расходился с площади.

Рыбница медленно начала отползать назад.

Аронд на мгновение перестал смотреть за Эндриком и повернул голову к городу.

— Не отвлекайся! — резко бросил тот.

Аронд вернулся к веслу.

Через несколько минут Рыбница осталась позади. Дома у берега мельчали, пока последний из них не скрылся за изгибом реки.

Вокруг остались только Рекот и весенняя лесостепь.

Река была широкая, вода — чистая, с зеленоватым оттенком. По берегам тянулись луга, перемежаясь рощами дуба, вяза и ивы. Молодая трава уже поднялась после зимы, на деревьях распустилась свежая листва.

Солнце стояло высоко. Над водой тянуло прохладой, и после душного трюма даже встречный ветер казался приятным.

Аронд некоторое время смотрел на берег между гребками.

— Красиво, — выдохнул он.

— Ага, — отозвался Эндрик. — Особенно когда не на

весле.

Где-то позади коротко рассмеялся один из гребцов.

Вёсла продолжали мерно входить в воду. Скрипели уключины, тяжело дышали люди, вода с шорохом расходилась вдоль бортов.

Первые полчаса Аронд ещё держался уверенно. Работа была тяжёлой, но ничего невозможного в ней не было. Плечи и спина у него крепкие, дыхание быстро поймало общий ритм.

Весло тяжелело с каждым гребком.

Тупая усталость засела между лопатками, предплечья налились жаром, а рукоять, ещё недавно казавшаяся просто шершавой, всё сильнее тёрла ладони.

Аронд перехватил её поудобнее.

Эндрик заметил это краем глаза.

— Не поможет.

— Что не поможет?

— Ёрзать руками. Только быстрее сотрёшь.

Аронд на очередном движении успел мельком посмотреть на ладонь. Кожа у основания пальцев покраснела, местами уже начинала припухать.

— Прекрасно. А я только начал привыкать к этому месту.

— К вечеру ещё больше понравится.

— Обнадёжил.

Эндрик коротко усмехнулся, не сбивая движения.

— Хват ослабь. Ты её душишь.

Аронд чуть разжал пальцы и тут же снова вцепился в рукоять, когда весло потянуло вперёд.

— Ага. Сейчас отпущу — и эта дура улетит в реку.

— Не улетит. — Эндрик навалился корпусом на очередной гребок. — А вот ладони к вечеру можешь здесь оставить.

— Очень хочется проверить.

— Проверишь. У нас времени много.

Аронд ничего не ответил. Только выдохнул сквозь зубы и снова подался вперёд вслед за Эндриком.

Примерно через час наёмники у кормы почти перестали следить за гребцами. Один притащил складной табурет, второй устроился напротив. Между ними появилась доска, две глиняные кружки и костяные игральные кости.

Кости застучали по дереву.

— Пять.

— Шесть, слепой ублюдок.

— Где ты там шесть увидел?

Один кубик отскочил от края доски, покатился по палубе и остановился почти у соседнего весла.

— Вон твоя шестёрка. Подними.

Наёмник нехотя поднялся, подошёл и нагнулся за костью.

— Шесть, говорю...

Он уже собирался разогнуться, но взгляд задержался чуть дальше.

На соседнем весле работала молодая девушка из числа отобранных. Рубаха прилипла к спине от пота, выбившиеся

из-под платка волосы липли к шее.

Наёмник медленно выпрямился.

— Опа.

Девушка услышала. На мгновение сбилась с движения, но тут же подхватила ритм. Только плечи стали жёстче.

— Чего там? — спросил второй.

Тот покрутил кость между пальцами, не отводя от неё взгляда.

— Да вот думаю... Эту бы отмыть сначала. Потом можно и оприходовать.

Девушка смотрела перед собой. Будто не слышала.

Только челюсть медленно сжалась. Пальцы сильнее обхватили рукоять весла, костяшки побелели.

Второй наёмник вытянул шею.

— Себе забрать хочешь?

— А чего нет?

Девушка наконец коротко посмотрела на них через плечо. Ни испуга, ни удивления — один тяжёлый, давно знакомый взгляд. Потом отвернулась и снова налегла на весло.

— Жадный ты.

Наёмник вернулся к столику и бросил кость на доску.

— Да какой жадный. Я бы и с товарищами поделился.

Оба заржали.

Девушка ничего не сказала. Только провела предплечьем по мокрому лбу и продолжила грести, глядя на воду за бортом.

Аронд всё это видел. Рукоять под его пальцами тихо скрипнула.

— В Ордене всю такую мразь набирают?

Эндрик коротко глянул в сторону наёмников.

— Они не Орден.

— А кто?

— Наёмные. Конвой. Орденских здесь немного.

Аронд снова посмотрел на смеющихся мужиков.

— Оно и видно.

Время начинало тянуться медленнее. Ритм вёсел уже не требовал постоянного внимания — тело повторяло движение почти само, но легче от этого не становилось.

Шёл второй час.

На ладонях Аронда лопнули первые пузыри. Пот стекал по запястьям и попадал на содранную кожу. Каждый новый гребок отзывался жжением.

Он поморщился, перехватил рукоять и попытался найти место, где дерево тёрло хотя бы немного меньше.

Эндрик заметил это и покосился на его руки.

— Говорил же.

Аронд бросил на него мрачный взгляд.

— Ещё раз скажешь — веслом получишь.

На лице Эндрика на мгновение появилась улыбка — первая за всё время, что Аронд его знал. Не насмешливая, а почти дружеская.

— Значит, силы пока есть.

Аронд несколько секунд смотрел на него, потом сам едва заметно усмехнулся.

— Пока есть.

— Вот и береги. Мне одному эту дуру тянуть неохота.

Аронд фыркнул и снова подался вперёд вместе с веслом.

— Размечтался.

Эндрик тихо хмыкнул.

Они снова поймали общий ритм.

Берега медленно тянулись мимо. Иногда попадались рыбацкие лодки; люди в них прекращали работу и провожали большое судно взглядами. Несколько раз вдаль показывались небольшие деревни — соломенные крыши среди зелени, полосы дыма над домами, скот у самой воды.

Шёл уже третий час.

Теперь Аронд чувствовал каждый гребок. Спина ныла, плечи налились тяжестью, ладони горели так, что он старался лишний раз не менять хват. Рубаха насквозь пропиталась потом и липла к телу.

Эндрик тоже заметно устал. Дышал тяжелее, волосы на висках намокли, но движения оставались ровными.

Аронд дождался, пока они снова подадутся вперёд.

— И долго нас ещё так гонять будут?

— Не знаю. Обычно смену держат несколько часов.

— Очень точно.

Эндрик вытер плечом пот со щеки.

— Хочешь точнее — спроси вон тех.

Он едва заметно кивнул в сторону наёмников у кормы. Аронд проследил за его взглядом.

— Ага. Они прямо ждут, когда я подойду и спрошу, сколько нам ещё тут корячиться.

— Тогда терпи. Когда сменят — узнаешь.

Аронд хотел что-то ответить, но с кормы рявкнули:

— Сорок седьмой! Ровнее тяни! Не один здесь!

Он тут же подхватил движение Эндрика, возвращая весло в общий ритм.

Наёмник уже отвернулся. Вернувшись к напарнику, он плюхнулся на своё место, подхватил со стола кости и потряс их в ладони.

— Твой бросок или мой?

Напарник молча подвинул к нему кружку.

К этому часу мерный скрип уключин уже почти перестал существовать для Аронда. Остались только вес рукояти в руках, жжение в содранных ладонях и чужое тяжёлое дыхание вокруг.

Судно шло против течения. Широкий Рекот тянулся впереди серо-зелёной полосой, и у деревянного носа то и дело вскипала белая пена.

К третьему часу Аронд уже не пытался найти удобное положение для рук — его не было. Ладони горели, спина ныла при каждом движении, рубаха давно промокла от пота.

Он просто держался за ритм Эндрика.

Наклон вперёд. Лопасть в воду. Упор ногами. Тяга спи-

ной.

Снова.

И снова.

Вокруг по-прежнему тянулась весенняя лесостепь. Дубовые и вязовые рощи местами подходили почти к самой воде, ивы склонялись над берегом. На открытых участках зеленели покрытые молодой травой луга.

Солнце уже начало клониться ниже, но день оставался ясным и тёплым. Над самой рекой гулял прохладный ветер, остужая мокрые от пота лица и рубахи.

Аронд поймал себя на странной мысли: если не смотреть на собственные руки, не слышать тяжёлого дыхания остальных и забыть, почему он вообще оказался на этом корабле, вокруг было почти красиво.

Красота, впрочем, быстро переставала занимать, когда приходилось в сотый раз подаваться вперёд.

На четвёртом часу даже Эндрик почти перестал разговаривать. Он только иногда бросал короткий взгляд на Аронда, проверяя, не начал ли тот выпадать из ритма.

Аронд держался.

Хуже всего было с ладонями. Там, где пузыри уже лопнули, дерево теперь проходило прямо по содранной коже. Каждый раз хотелось перехватить рукоять иначе, но через несколько движений новое положение начинало жечь не меньше прежнего.

Берег начал меняться.

У воды появились вбитые колья с натянутыми между ними сетями, перевёрнутая на песке лодка и вытоптанная тропа, уходящая вверх от реки.

Чуть дальше показался небольшой деревянный мосток. За ним — ещё один.

Эндрик тоже посмотрел вперёд.

— Кротов скоро.

Аронд вытер щекой пот о плечо.

— Слава богам.

— Рано радуешься.

— Мне сейчас достаточно хотя бы перестать грести.

Эндрик понимающе хмыкнул и снова подался вперёд.

За следующим изгибом Рекота начал открываться Кротов.

Сначала показалась пристань — несколько деревянных причалов на тяжёлых сваях. У одного покачивались небольшие грузовые лодки, дальше рыбаки вытаскивали на берег узкое судёнышко. Между причалами сушились сети, под навесами громоздились корзины, мешки и бочки.

За пристанью начинался сам город.

Аронд невольно всматривался в него всё внимательнее.

Он знал, что за границей Артении живут иначе. Слышал про графов, баронов, вассалов, про земли, которые переходят от отца к сыну вместе с деревнями и людьми. Всё это не было для него новостью.

Но знать оказалось совсем не тем же самым, что увидеть.

Низкие дома теснились вдоль неровных улиц. Дерево, плетёные стены под глиняной обмазкой, потемневшие соломенные и камышовые крыши. Ближе к реке стояли склады и мастерские — длиннее жилых домов, с широкими воротами для товара.

Кое-где среди дерева и глины торчали остатки старой каменной кладки — слишком ровной и массивной для здешних строителей.

Один такой обломок стены стоял прямо между двумя домами. Нижние ряды огромных светлых блоков ещё держались, но всё, что можно было унести без особого труда, давно растащили. Один из соседних сараев был сложен из тех же камней вперемешку с булыжником и глиной.

Аронд проводил стену взглядом.

— Ещё до Разлома осталось?

Эндрик тоже посмотрел туда.

— Похоже. Ещё имперское.

Аронд снова оглянулся на стену, уже уходившую за корму.

— Триста лет простояла, чтобы в конце концов стать чьим-то сараем.

Эндрик прищурился, разглядывая постройку.

— Камень хороший. Чего ему пропадать?

Аронд повернул к нему голову.

— В Артасе лучше такого не говори.

— Почему?

— Найдётся какой-нибудь учёный старик, который объяснит тебе, что ты только что предложил разобрать остатки Империи на свинарники.

Эндрик несколько мгновений сохранял серьёзное лицо.

— Если свинарник хороший...

Аронд фыркнул.

— Вот сам ему это и расскажешь.

— Обязательно. Как только понадобится бесплатная лекция на полдня.

Чем ближе подходило судно, тем заметнее становилась разница.

У пристани уже можно было разглядеть местную стражу. Человек десять стояли возле расчищенного прохода к площади. Один в кольчужной рубахе, другой в стёганке, третий в старом железном шлеме, явно не подходившем ему по размеру. Щиты разные, копья разные. На одежде лишь одинаковые нашивки показывали, что всё это вообще один отряд.

Один из стражников что-то жевал. Другой держал небольшой кувшин и, пока никто не смотрел в его сторону, приложился к нему.

Аронд нахмурился.

— Это у них стража?

Эндрик посмотрел на берег.

— А на кого ещё похожи?

— На мужиков, которых вчера собрали возле кабака и раздали им копья.

Эндрик тихо хмыкнул.

— Может, так и было.

Аронд ещё раз оглядел их.

В Рыбнице за грязный ремень командир мог заставить стражника драить караульную до ночи. Одинаковое оружие, одинаковые шлемы, еженедельные построения — всё это казалось настолько обычным, что Аронд никогда особенно об этом не думал.

Здесь отсутствие этого бросалось в глаза.

Он знал, что за границей Артении живут иначе.

Просто впервые увидел, насколько иначе.

Аронд ещё некоторое время смотрел на местную стражу. Один из людей у причала снова приложился к кувшину. Второй сидел прямо на перевёрнутой бочке, положив копье поперёк колен.

— И Ордену всё равно?

Эндрик не сразу понял, о чём он.

— На что?

Аронд кивнул в сторону берега.

— На это. На стражу. На город. Имперскую стену на сараи растащили. Половина домов того и гляди развалится. Они сюда приезжают каждый год и ничего не видят?

Эндрик несколько раз налёг на весло, прежде чем ответить.

— Видят. А сделать что?

— Они Орден.

— И что?

Аронд посмотрел на него.

Эндрик продолжил:

— Орден большой, Аронд. Только континент ещё больше.

Они не могут посадить по своему человеку в каждую дыру и следить, чтобы местный барон сортир чистил.

Аронд невольно усмехнулся.

— Я не про сортир.

— А какая разница? — Эндрик повёл плечом и снова налёг на рукоять. — Земля баронская. Люди его. Стража его. Пока он не нарушает договоров, Орден не может прийти и сказать: теперь будете жить по-нашему.

— В Артении же получилось.

— Потому что Артения сама так живёт. Король Орден слушает, школы держит, старые знания не выбрасывает. А попробуй объяснить здешнему барону, что ему надо тратить серебро на школу для детей своих крестьян.

Аронд посмотрел на огороженную усадьбу над городом.

— Думаешь, откажется?

Эндрик усмехнулся.

— Думаю, сначала спросит, зачем крестьянину читать.

Несколько гребков прошли молча.

— Значит, Орден ничего не может?

— Я этого не говорил.

Эндрик повернул голову к нему.

— Может. И много. Советники при дворах, лекари, масте-

ра, книги, школы, старые чертежи. Если где-то готовы слушать — они тащат туда всё, до чего могут дотянуться. Иногда, говорят, сами платят за обучение. Но заставить всех?

Он мотнул головой.

— Тогда им пришлось бы сначала завоевать половину материка.

— А вторую половину?

— Потом.

Аронд усмехнулся.

Эндрик тоже улыбнулся, но почти сразу посерьёзшел.

— В том и дело. Они ни королю не служат, ни графу, ни герцогу. Начнут решать, кому как жить, — завтра один правитель их вышвырнет, послезавтра другой. А потом попробуй собрать с них людей, когда в Пограничье опять понадобится.

Аронд посмотрел на чёрное 47 у себя на груди.

— Людей они, значит, собирать умеют.

— Это умеют, — сухо ответил Эндрик.

На несколько мгновений между ними остался только скрип весла.

Потом Аронд снова посмотрел на Кротов.

Теперь город выглядел немного иначе. Не как место, которое Орден почему-то забыл привести в порядок.

Просто здесь заканчивалась его власть и начиналось чужое право жить по-своему — даже если со стороны это «по-своему» выглядело паршиво.

Чем ближе подходили к пристани, тем больше людей замечал Аронд. Сначала ему показалось, что у воды просто торговый день, но очень скоро стало понятно — народу здесь слишком много.

Люди заполняли пространство между причалом и первыми домами, теснились вдоль улицы, стояли небольшими группами. Городские смешались с крестьянами, пришедшими из окрестных деревень.

И почти никто не смотрел на приближающийся корабль. Взгляды были обращены в одну сторону.

Аронд проследил за ними.

Возле воды оставили свободный участок. Там стоял деревянный помост, на нём — стол и несколько человек, готовивших всё к жеребу.

А потом Аронд увидел урну.

Её он узнал сразу.

Такая же тяжёлая, поставленная посреди стола так, чтобы до неё можно было дотянуться только выйдя перед всей толпой.

Несколько часов назад он сам стоял перед такой.

Судно уже подходило к пристани, и грести приходилось всё реже. Команды с кормы сменились короткими окриками матросов. Где-то наверху загрохотал канат, по палубе пробежали босые ноги.

— Вёсла поднять!

Эндрик первым потянул рукоять вверх.

— Давай. Вместе.

Аронд навалился следом. Лопасть вышла из воды, с неё ручьями потекло на борт. Ещё несколько человек подхватили движение, и вскоре все шестнадцать вёсел поднялись над рекой.

После нескольких часов непрерывного ритма остановка ощущалась почти неправильно.

Аронд разжал пальцы.

Боль пришла сразу.

Он посмотрел на ладони. Кожа у основания пальцев была содрана, несколько пузырей лопнули. В складках блестела кровь, смешанная с потом и древесной грязью.

— Сука...

Эндрик осторожно разогнул собственные пальцы.

— Завтра будет веселее.

Аронд посмотрел на него.

— Ты умеешь поддержать.

— Три недели тренировался.

Судно тем временем по инерции скользило к причалу. Матрос на носу раскручивал тяжёлый канат.

— Сошёл! — крикнули сверху.

Канат пролетел над водой и тяжело шлёпнулся на доски причала. Один из местных подхватил его и потащил к деревянной тумбе.

Корпус вздрогнул.

Ещё один канат ушёл с кормы.

Судно медленно прижалось бортом к причалу.

Аронд уже собирался отойти от весла, когда с кормы раздался окрик:

— Гребцы — на местах!

Несколько человек, успевших подняться, с недовольным ворчанием опустились обратно.

Аронд остался у весла. Пальцы ныли даже без рукояти, и он осторожно растирал запястье, стараясь лишний раз не задевать содранные ладони.

— И чего теперь ждём?

Эндрик кивнул в сторону берега.

— Марисана Пестиса. Эльвара Кеста и орденских. Пока жереб не проведут — никуда не двинемся.

Аронд посмотрел на него.

— Ты уже и по именам их знаешь?

— Три недели на одном корыте, — Эндрик пожал плечом. — Пестис в каждом городе жереб ведёт. Кест потом списки проверяет, людей считает. Его имя тут быстро выучишь.

— А те?

Аронд кивнул на четверых вооружённых воинов, уже показавшихся у сходней.

Эндрик мельком посмотрел на них.

— Понятия не имею. Эти с нами почти не разговаривают. Стоят рядом с орденскими, смотрят, чтобы никто дурить не начал. Иногда на палубе увидишь — и всё.

— А за нами кто смотрит?

Эндрик перевёл взгляд на двух наёмников у кормы.

— Вот с этими ещё познакомишься.

Аронд проследил за его взглядом.

Один из наёмников как раз допивал остатки из кружки.

Заметив, что на него смотрят, он нахмурился.

Аронд отвернулся первым.

— Уже начинаю скучать по Рыбнице.

Эндрик тихо хмыкнул.

На берег тем временем первым сошёл Марисан Пестис. Чёрно-красное одеяние с белым воротником резко выделялось среди местной толпы. Он даже не оглянулся на корабль — сразу направился к подготовленному помосту.

Следом спустился Эльвар Кест с документами. За ним — четверо воинов Ордена.

Те не выглядели конвоирами. Никого не подгоняли, не орали на отобранных и вообще почти не обращали внимания на корабль. Двое пошли вслед за Пестисом, ещё двое задержались у сходней, спокойно осматривая причал и собравшуюся толпу.

Аронд проводил их взглядом.

За несколько часов на судне он почти не видел этих людей.

Теперь становилось понятно почему.

Отобранными занимались наёмники.

Эти были здесь на случай, если что-нибудь пойдёт не так.

На площади тем временем началось движение.

Появление Пестиса заметили почти сразу. Гул толпы не

исчез, но стал тише. Люди расступались перед эмиссаром и сопровождавшими его бойцами, освобождая проход к помосту.

Кест поднялся следом и положил документы на стол. Один из местных что-то торопливо ему объяснял, показывая на несколько свитков. Кест выслушал, взял верхний и начал просматривать.

Пестис тем временем остановился возле урны.

Даже с корабля Аронд узнал последовательность.

Всё почти так же, как несколько часов назад в Рыбнице.

Списки. Проверка. Урна. Люди, которые заранее стараются встать подальше, хотя прекрасно знают, что это ничего не изменит.

Только теперь Аронд видел всё сверху, с палубы.

И видел больше, чем утром.

Ближе к помосту стояли те, кому ещё предстояло тянуть жребий. Кто-то переминался с ноги на ногу, кто-то без конца тёр ладони, кто-то пытался говорить с соседями, лишь бы не смотреть на урну.

Чуть в стороне Аронд заметил грузного мужчину лет сорока. В отличие от остальных, тот выглядел совершенно спокойно. Хороший тёмный кафтан сидел на нём без единой заплаты, на широком поясе висел короткий меч. Рядом стояли женщина и ребёнок.

Мужчина не собирался подходить к урне. Он просто наблюдал.

Аронд задержал на нём взгляд лишь на мгновение и перевёл его дальше.

Возле самого помоста молодой парень что-то быстро говорил своему товарищу. Пытался улыбаться, но улыбка выходила натянутой. Тот слушал молча и не отрывал глаз от урны.

Чуть дальше девушка сжимала в пальцах небольшой деревянный знак так сильно, что побелели костяшки.

Утром Аронд не замечал ничего подобного.

Тогда вокруг него тоже были сотни людей. Кто-то разговаривал, кто-то плакал, кто-то пытался шутить. Но всё сливалось в один гул. Он видел только помост, урну и человека со списком.

Теперь всё было иначе.

Он уже вытянул своё.

А этим ещё предстояло.

На помост поднялся Марисан Пестис.

Разговоры на площади начали стихать сами собой. Сначала ближние ряды, затем дальше. Последние голоса ещё пробивались откуда-то с края толпы, но вскоре затихли и они.

Эльвар Кест стоял у стола. Перед ним лежали раскрытые списки. Рядом с помостом расположились бойцы Ордена, не вмешиваясь в происходящее.

Один из местных передал Кесту последний лист.

Тот пробежал его глазами, сверил с остальными и коротко кивнул Пестису.

Аронд смотрел на всё это и вдруг поймал себя на неприятном ощущении.

Он уже знал последовательность.

Знал, зачем нужны списки. Знал, что сейчас скажет Пестис. Знал, как люди один за другим будут подходить к столу. Знал даже, как выглядит лицо человека за мгновение до того, как рука исчезает внутри урны.

Несколько часов назад он ничего этого не знал.

А теперь процедура казалась почти знакомой.

От этой мысли стало не по себе.

Пестис вышел к краю помоста.

Аронд машинально посмотрел на свои ладони. На содранной коже уже подсыхала кровь. Потом взгляд опустился ниже — на чёрные цифры, размазанные по пропитанной потом рубашке.

47.

Утром у него ещё было имя, лавка, Велис, дядя Клео и планы на вечер.

Теперь он стоял на чужом корабле, за границей Артении, и ждал, когда к нему добавят следующих.

Пестис начал говорить.

Слова до корабля долетали не все. Ветер уносил половину фраз, но Аронду и не требовалось слышать каждую.

Он уже слышал их утром.

Толпа перед помостом замерла.

Молодой парень, которого Аронд заметил раньше, пере-

стал улыбаться. Девушка спрятала деревянный знак в кулак. Хорошо одетый мужчина рядом с семьёй оставался неподвижен.

Кест взял первый список.

Эндрик подошёл ближе к борту и остановился рядом с Арондом.

Некоторое время оба молчали.

Аронд смотрел на людей внизу.

— Странное чувство.

— Какое?

Аронд не сразу ответил.

— Утром я стоял там и думал только о том, чтобы не услышать своё имя.

Эндрик опёрся предплечьями о борт.

— А теперь?

Аронд посмотрел на **47** у себя на груди.

— Теперь уже поздно.

На площади Кест развернул список.

Первый человек вышел из толпы.

Эндрик проводил его взглядом.

— Сейчас жереб будет.

Аронд ничего не ответил.

Он и так знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.